

**«ВЕСЕЛЫЕ КАРТИНКИ»: ИЗ ИСТОРИИ
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
И МУЗЕЯ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР (1932–1933 гг.)**

Марианна Михайловна Шахнович

Санкт-Петербургский государственный университет
7–9 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
m.shakhnovich@spbu.ru

Аннотация: В 1932–1933 гг. в научной жизни Ленинграда произошли два события, сыгравшие важную роль в истории советской этнографии, музейного строительства и религиозоведения: открытие Музея истории религии и реорганизация Музея антропологии и этнографии АН СССР. Именно в этот период в Академии наук считалось приоритетным создание на базе академических музеев научно-исследовательских институтов. Если небольшой коллектив нового Музея истории религии во главе с его директором В.Г. Богоразом приветствовал такое начинание, то реформирование Музея антропологии и этнографии, объединение его с Институтом по изучению народов СССР и создание на их основе Института этнографии АН СССР было болезненным и привело к увольнению и изменению статуса многих сотрудников МАЭ. В статье публикуются обнаруженные в фототеке Государственного музея истории религии, в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и в отделе рукописей Российской национальной библиотеки рисунки и тексты, отражающие эти события в сатирической форме. Автор представляет карикатуры из стенной газеты Музея истории религии (1932–1933), изображающие В.Г. Богораз, ироническую заметку самого Богораз об участии научных сотрудников в экспозиционной работе, а также стихотворение Е.Г. Кагарова «Перелицованная Илиада», сатирически описывающее кадровые преобразования в Музее антропологии и этнографии в 1933 г. Отмечается важность обнаруженных сатирических произведений как источника, который, подобно мемуарам и письмам, отражает субъективные впечатления и демонстрирует личное отношение к происходящему. Все материалы подробно комментируются, показывается их значение для изучения истории ленинградского сообщества этнографов и историков религии начала 1930-х гг.

Ключевые слова: В.Г. Богораз, Е.Г. Кагаров, история музеев АН СССР, Музей антропологии и этнографии АН СССР, Музей истории религии АН СССР.

Благодарности: Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиозоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX в.».

Для цитирования: Шахнович М. «Веселые картинки»: из истории Музея антропологии и этнографии и Музея истории религии Академии наук СССР (1932–1933 гг.) // Антропологический форум. 2020. № 47. С. 139–153.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-139-153

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/shakhnovich.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2020, NO. 47

**“FUNNY PICTURES”: FROM THE HISTORY
OF THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY
AND THE MUSEUM OF THE HISTORY OF RELIGION
OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE USSR (1932–1933)**

Marianna Shakhnovich

St Petersburg State University
7–9 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
m.shakhnovich@spbu.ru

Abstract: In the Leningrad of 1932–1933, two events took place in the academic world that would play an important role in the history of Soviet ethnography, museum construction and religious studies: the opening of the Museum of the History of Religion and the reorganization of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences. At that time, the Academy of Sciences considered it a priority to establish research institutes on the basis of academic museums. If a small collective of the new Museum of the History of Religion, headed by its director Vladimir Bogoras, welcomed such an undertaking, then the reform of the Museum of Anthropology and Ethnography, its merger with the Institute for the Study of the Peoples of the USSR and the creation of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR on their basis was quite painful for many MAE staff and led to the layoff or change in the status of the employees. The article publishes drawings and texts found in the Photo Library of the State Museum of the History of Religion, in the St Petersburg branch of the RAS Archive, and in the Department of Manuscripts of the Russian National Library, reflecting these events in a satirical form. The author presents cartoons from the wall newspaper of the Museum of the History of Religion (1932–1933), depicting Vladimir Bogoras, an ironic note by Bogoras himself about the participation of scientific workers in the exhibition work, as well as a poem by Eugeny Kagarov's “The Revised Iliad”, which satirically presents personnel changes at the Museum of Anthropology and Ethnography in 1933. The author of the article notes the importance of the discovered satirical works as a source that, like memoirs and letters, reflects subjective

impressions and demonstrates a personal attitude to what is happening. In the article, these documents are commented on in detail, showing their importance for the study of the history of the Leningrad community of ethnographers and historians of religion in the early 1930s.

Key words: V. G. Bogoras, E. G. Kagarov, history of museums of the Academy of Sciences of the USSR, Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR, Museum of the History of Religion of the Academy of Sciences of the USSR.

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant no. 16-18-10083 "Study of Religion in the Socio-Cultural Context of the Era: The History of Religious Studies and the Intellectual History of Russia in the 19th and First Half of the 20th Centuries".

To cite: Shakhnovich M., "'Veselye kartinki': iz istorii Muzeya antropologii i etnografii i Muzeya istorii religii Akademii nauk SSSR (1932–1933 gg.)" ["Funny Pictures": From the History of the Museum of Anthropology and Ethnography and the Museum of the History of Religion of the Academy of Sciences of the USSR (1932–1933)], *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 47, pp. 139–153.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-47-139-153

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/047/shakhnovich.pdf>

Марианна Шахнович

«Веселые картинки»: из истории Музея антропологии и этнографии и Музея истории религии Академии наук СССР (1932–1933 гг.)

В 1932–1933 гг. в научной жизни Ленинграда произошли два события, сыгравшие важную роль в истории советской этнографии, музейного строительства и религиоведения: открытие Музея истории религии и реорганизация Музея антропологии и этнографии АН СССР. Именно в этот период в Академии наук считалось приоритетным создание на базе академических музеев научно-исследовательских институтов. Если небольшой коллектив нового Музея истории религии во главе с его директором В.Г. Богоразом приветствовал такое начинание, то реформирование Музея антропологии и этнографии, объединение его с Институтом по изучению народов СССР и создание на их основе Института этнографии АН СССР было болезненным и привело к увольнению и изменению статуса многих сотрудников МАЭ. В статье публикуются обнаруженные в фототеке Государственного музея истории религии, в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и в отделе рукописей Российской национальной библиотеки рисунки и тексты, отражающие эти события в сатирической форме. Автор представляет карикатуры из стенной газеты Музея истории религии (1932–1933), изображающие В.Г. Богоразу, ироническую заметку самого Богоразу об участии научных сотрудников в экспозиционной работе, а также стихотворение Е.Г. Кагарова «Перелицованная Илиада», сатирически описывающее кадровые преобразования в Музее антропологии и этнографии в 1933 г. Отмечается важность обнаруженных сатирических произведений как источника, который, подобно мемуарам и письмам, отражает субъективные впечатления и демонстрирует личное отношение к происходящему. Все материалы подробно комментируются, показывается их значение для изучения истории ленинградского сообщества этнографов и историков религии начала 1930-х гг.

Ключевые слова: В.Г. Богораз, Е.Г. Кагаров, история музеев АН СССР, Музей антропологии и этнографии АН СССР, Музей истории религии АН СССР.

В конце 1932 — начале 1933 г. в научной жизни Ленинграда случилось два события, существенно повлиявших на дальнейшее развитие этнографии и религиоведения в России: открытие Музея истории религии (МИР) и реорганизация Музея антропологии и этнографии (МАЭ). Принципиально новый Музей истории религии Академии наук СССР был открыт 15 ноября 1932 г. в помещении Казанского собора по инициативе его организатора и первого директора Владимира Германовича Богоразу. Именно в этот период в Академии наук считалось приоритетным создание на базе академических музеев научно-исследовательских институтов. Значение этих двух учреждений в структуре Академии наук подчеркнул академик А.С. Орлов, выступая на торжественном заседании, посвященном открытию Музея истории религии: «Название “музей” не соответствует такому предприятию. Это, собственно говоря, не — музей, я должен заметить, что музеи Академии наук это не есть музеи, а это — исследовательские институты

Марианна Михайловна Шахнович
Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
m.shakhnovich@spbu.ru

очень большой глубины» [СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 3. Л. 80б.]¹. В.Г. Богораз в своем выступлении сформулировал задачу такого института: «Мы должны соединить наше научное выявление и художественное оформление вместе в одно органическое целое» [Там же. Л. 4]. Три месяца спустя, 15 февраля 1933 г., начал функционировать как самостоятельное академическое учреждение Институт этнографии, созданный на основе объединения самого старого российского музея — Музея антропологии и этнографии — с Институтом по изучению народов СССР. Если идея создания Института истории религии на базе Музея истории религии была воспринята его директором и коллективом сотрудников-единомышленников с энтузиазмом [Шахнович, Чумакова 2014: 28, 124] (хотя Институт истории религии на базе музея так и не был создан, несмотря на разные попытки), то в коллективе Музея антропологии и этнографии превращение его в подразделение Института этнографии и последовавшие за этим сокращение одних сотрудников и изменение статуса других были восприняты очень неоднозначно, если не сказать болезненно [Решетов 2003: 29].

Нами было обнаружено несколько документов, относящихся к этому периоду музейного строительства в Академии наук. Это сатирические тексты и карикатуры, созданные «на злобу дня», которые определенно или с меньшей степенью вероятности могут считаться материалами для стенных газет, издававшихся в обоих музеях. В фототеке Государственного музея истории религии были выявлены семь фотографий, представляющих собою фотофиксацию рисунков из разных номеров стенной газеты МИР. Судя по фотографиям, все рисунки были сделаны карандашом и частично раскрашены. Часть подписей под рисунками была сделана от руки, часть — напечатана на пишущей машинке, на самих фотографиях какие-либо надписи отсутствуют.

О том, что в Музее истории религии АН СССР молодые сотрудники издавали стенную газету, было известно. М.И. Шахнович в кратких воспоминаниях о том, как Антирелигиозная выставка в Зимнем дворце стала основой для создания нового музея, писал:

Под руководством Богораза сотрудники Музея антропологии и этнографии, при помощи работников академической библиотеки и при содействии ученых Эрмитажа, создали новую выставку. Она открылась 16 апреля 1930 года в Зимнем дворце. Здесь были представлены многие уникальные предметы культов из Африки, Индии, Китая, картины и скульптуры известных

¹ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников.

мастеров, редкие книги, рукописи. Выставка оказалась очень популярной, хотя и подвергалась резкой критике как «слева», так и «справа». Один верующий фанатик угрожал ее взорвать, а другой — «активист-безбожник» писал, что она «пропагандирует мракобесие». Появились и разоблачительные статьи в прессе, отмечающие «отсутствие антирелигиозной установки» и «примиренческое отношение к религии». Из этой-то выставки и родился Музей истории религии. В стенной газете, посвященной его открытию, которая называлась «Сотворение МИРА», была помещена карикатура на директора, использовавшая чукотский миф о сотворении мира. Ворон с лицом Богораза (крупнейшего мирового специалиста по религии чукчей) высиживает яйцо, из которого вылупляется музей [Шахнович 1995: 10].

Еще одна карикатура на ту же тему была обнаружена нами в фототеке ГМИР. Рисунок назван «Чукотский миф о творце мира» (см. ил. 1 на цветной вклейке) и представляет В.Г. Богораза в традиционной чукотской одежде с мешком, из которого выпадают элементы будущего МИРА: мировое дерево, северный олень, тюлень, огонь и котелок, подкова, женщина, книга, поп с крестом и кадилом в руках, а рядом с ним чертенок [ГМИР. Фототека. № СМ-2648_006].

Здание Казанского собора было передано Академии наук для организации в нем Музея истории религии 9 апреля 1932 г. Во главе небольшой группы сотрудников, которым предстояло делать экспозицию нового музея, стояли трое: его директор Владимир Германович Богораз, заведующий отделом оформления экспозиции Владимир Александрович Александров и ученый секретарь Абрам Семенович Гитлер, который вел все делопроизводство. На сатирическом рисунке «Новый Завет в МИР, или Новый причт Казанского собора» (ил. 2) все трое изображены художником достаточно мастерски, их легко идентифицировать. Богораз — в центре с указующим вверх перстом, ученый секретарь изображен с книгой «Деяний», а заведующий отделом оформления представлен с «экспонатом»-кадилом в руках. Вся «троица» с нимбами [ГМИР. Фототека. № СМ-2648_038]. Интересно, что у директора за спиной вещевой мешок. Этот предмет — непрменный атрибут Богораза почти на всех рисунках этой серии.

Музей был открыт благодаря кипучей энергии В.Г. Богораза, его неумолимому упорству и заразительному энтузиазму во всем, что касалось реализации тех целей, которые он считал важными. Об этих чертах его характера говорили ученики и коллеги, о них свидетельствуют архивные документы и пишут современные исследователи [Мещанинов 1937; Михайлова 2004;

Вахтин 2016]. Богораз вникал во все детали, связанные с ремонтом здания собора и созданием экспозиции, неустанно борясь с академической бюрократией за выделение средств на оплату необходимых работ, материалов, жалованья сотрудникам, и при этом продолжал преподавательскую и исследовательскую деятельность [Шахнович, Чумакова 2014: 29–33].

В стенной газете его изобразили в виде многорукого Шивы (ил. 3). Богораз в одной руке держит книгу, символизирующую разнообразие его творческой натуры: на первой странице разворота написано «Учение о чукчах», а на второй — «Повести, рассказы, романы», в других руках — лобзик, молоток, ножницы, кисточка, перо, т.е. инструменты необходимые для создания экспозиции. Кроме того, Богораз поддерживает два здания — Кунсткамеры, где располагался МАЭ, в котором он продолжал заведовать отделом Сибири, и Казанский собор с красным флагом на куполе [ГМИР. Фототека. № СМ-2648_005]. Именно так, согласно сохранившимся фотографиям, выглядел собор в 1932 г., когда в нем готовили к открытию Музей истории религии.

Богораз не только сам брался за любую работу, необходимую новому музею, но и требовал того же от других. Об этом свидетельствует документ, обнаруженный в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Это ответ Богораза на заметку в одном из выпусков стенной газеты, написанную под псевдонимом «Научный Работник» кем-то из его музейных коллег. Приведем этот ответ здесь целиком, т.к. он комментирует рисунок, о котором мы писали выше.

Что должны делать научные работники в музее. По поводу статьи «Научного Работника».

«Научный Работник» в своей анонимной статейке за частотой из 20 вопросительных знаков высказал суждение о том, чем не должны заниматься научные работники:

Они не должны заниматься изучением сочетания цветов, вообще не должны заниматься оформлением.

Они не должны наблюдать за постройкой щитов по собственным конструкциям, не должны бегать с молотками, ключами, гвоздями.

Во время дежурства они не должны отвечать за охрану экспонатов, за ведение книги посетителей, вообще не должны отвечать ни за что.

Приходится поставить в связи с этим ряд других вопросов, уже не отрицательного, а утвердительного направления: Чем же научные работники должны заниматься?

Очевидно, научной работой и только, — больше ничем. Притом заниматься не в стенах Музея, не в установленные законом и договорами часы, а так вообще, когда вдохновение придет, — по рецепту «Пушкинского поэта»:

«Пока не требует поэта
к священной жертве Аполлон...
Молчит его святая лира,
Душа вкушает хладный сон».

«Научный Работник» возражает против расписок в табличке посещаемости. По мнению «Научного Работника» в Музее должны быть четыре группировки. Я готов их назвать классовыми группировками.

Номер первый, самый важный — научные работники.

Номер второй — художники.

Номер третий — технические служащие.

Номер четвертый — дирекция, коллективное лицо, которое заботится обо всем и отвечает за все: за краски и цвета, за молотки и гвозди и также за научную работу.

По мнению «Научного Работника» в особенности недопустимо, чтобы класс первый занимался чем-либо иным, кроме священной и высокой научной работы. Гвозди, фанера, столярный клей. Какой ужас! Смешение красок. Какая пачкотня! Для всего этого есть другие группировки и другие работники.

Мы видим, однако, на примере многих музеев, какой плачевный результат получается, если научные работники не участвуют в оформлении и сдают его на попечение художников.

Я говорю это не в виде упрёка. Работа музейно-художественного оформления очень трудная, пионерская и творческая, и каждый новый шаг нужно завоевывать упорной и вдумчивой работой. Эта работа не подвинется вперед, если научные работники замкнутся в своей узкой обособленности [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 102. Л. 51–52].

Экспозиционная работа давалась нелегко, а когда заведующий отделом оформления В.А. Александров уехал в командировку, видимо, затормозилась совсем. Об этом свидетельствует еще один рисунок из стенной газеты (ил. 4), на котором в подражание гоголевскому «Ревизору» представлена «немая сцена». Богораз как Городничий обращается к сотрудникам: «Я пришел сообщить вам...» и показывает телеграмму: «Привет из Самарканда. Еду в Ленинград. В. Александров». Сотрудники немеют от ужаса [ГМИР. Фототека. № СМ-2648_007].

В основу экспозиции нового музея были положены материалы Антирелигиозной выставки в Зимнем дворце, но в нее были

внесены большие изменения. В отделе «Христианство» появились разделы «Классовая роль христианства» и «Христианство восточно-римской империи, Византии», «Русское православие». Были введены новые экспонаты в раздел «Иудаизм» «с упором на современность» [СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 5. Л. 5]. Переделаны были разделы «Русская инквизиция», «Атеизм в книгах и карикатурах» и др. В результате в ноябре 1932 г. были открыты два отдела (тогда они назывались «выставки») новой экспозиции: «История Казанского собора» и «Религия и атеизм на Западе». Экспозиционная работа продолжалась и в начале 1933 г., когда были открыты два отдела «Возникновение религии», а затем — «Религии античного мира», «Происхождение христианства», «Буддизм и ламаизм». К концу 1933 г. были созданы еще две временные выставки: «Карл Маркс как воинствующий атеист» и «Классовая роль иудаизма» [Там же. Л. 6]. Таким образом, была проведена значительная научно-экспозиционная работа. При этом в музее трудился очень небольшой коллектив.

В 1932–1933 гг. в штате музея, помимо «троицы», о которой речь шла выше, работали А.М. Покровский (заместитель директора), С.Б. Радомысльская (секретарь-машинистка), В.О. Биссикирский (комендант) и И.Г. Каск (зав. хозяйством). Экспозиционная и научная работа в 1932–1933 гг. велась исключительно внештатными научными сотрудниками. В августе 1932 г. таковых было одиннадцать человек: Л.Г. Брандт, К.Ф. Воронцов, Н.П. Гуля, В.Н. Дулов, Л.Н. Мануйлова, Ф.М. Морозов, В.И. Недельский, А.А. Невский, В.К. Станюкович, Ю.П. Францев, М.И. Шахнович. Затем к ним добавились М.И. Пуговкина и А.И. Новиков. Некоторые внештатные сотрудники, часть из которых были аспирантами Академии наук, поначалу даже не получали заработной платы, так же как и во время их работы по устройству Антирелигиозной выставки [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 99. Л. 39–50]. Кто из сотрудников занимался подготовкой стенной газеты музея, мы, к сожалению, не знаем. Однако машинописная подпись под одним из сохранившихся рисунков (ил. 5) довольно прозрачно указывает на то, что сотрудники не были довольны своей зарплатой: «А директор наш лихой, скуп маленько, но не злой. Ждет безбожного венца... Ламца-дрица-ацаца» [ГМИР. Фототека. № СМ-2648_063].

Несомненно, сотрудники знали, что быт их директора тоже был нелегким. Очень характерно, что Богораз на всех рисунках изображен не с портфелем, как совработник или старый университетский профессор, а с вещевым мешком. Об этом мешке в своих воспоминаниях пишет Н.И. Гаген-Торн: «Он входил в аудиторию, круглый, как шар, волоча за собой полосатый большой мешок вместо портфеля» [Гаген-Торн 1994: 51]. На одном из

рисунков (ил. 6) мы видим согнувшегося под его тяжестью Богораза. Правой рукой он опирается на палку, а в левой держит большой сверток [ГМИР. Фототека. № СМ-2648_031]¹.

Еще один из сохранившихся рисунков (ил. 7) представляет отдыхающего Богораза, но отдых для него — лишь смена деятельности: он доит ученую корову, кормит кур, ухаживает за садом [ГМИР. Фототека. № СМ-2648_033]. Сын В.Г. Богораза рассказывал в своих воспоминаниях о саде и огороде при небольшом деревянном доме в Лесном (Большая Объездная ул., д. 6) [Михайлова 2016: 120], который был куплен семьей еще до Первой мировой войны [СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Л. 99–100] и в котором В.Г. Богораз продолжал бывать и после смерти жены. Упомянутый рисунок из стенной газеты назван «Богораз на отдыхе» и изображает этот дом и сад как фантастическое райское место: на дереве, под которым с тем же неизменным мешком за спиною сидит Богораз и к которому за хвост привязана умеющая читать корова, висят одновременно груши, вишни, ананас и даже арбуз.

Семь фотографий и небольшая заметка об отношении В.Г. Богораза к особенностям музейной работы — небогатый «архивный улов». Однако он не только дает возможность сделать выводы о «безыдейном» содержании некоторых разделов стенной газеты Музея истории религии в первые годы его существования, но и прежде всего свидетельствует о дружеской атмосфере внутри музейного коллектива, о теплом отношении сотрудников к своему директору, который не только позволял рисовать на себя карикатуры, но и сам охотно писал в стенную газету иронические тексты.

Сатирический документ, относящийся к периоду реформирования МАЭ, был обнаружен в отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде Е.Г. Кагарова [Шахнович 2017: 571–575]. Текст представляет собой автограф (карандаш, перо) сатирического стихотворения, озаглавленного «Поэма (Песнь) о МАЭ». Судя по его содержанию, он был написан Евгением Георгиевичем в 1933 г. по следам событий, связанных с реформированием МАЭ, объединением его с Институтом по изучению народов СССР и созданием на их основе Института этнографии АН СССР. Реорганизация, которую проводили директор института Н.М. Маторин и ученый секретарь И.Н. Винников, привела к увольнению некоторых сотрудников.

¹ Автор благодарит анонимного рецензента «Антропологического форума» за высказанное предположение, что на этом рисунке В.Г. Богораз изображен направляющимся в Александро-Невскую лавру, где в то время находился Институт народов Севера, а под мышкой у него географическая карта.

Об этом рассказывает стихотворение Е.Г. Кагарова. В связи с тем, что персонажи в стихотворении зашифрованы, а их имена стилизованы под имена гомеровских героев, мы указали в сносках нашу реконструкцию реальных имен и фамилий сотрудников МАЭ, упомянутых в стихотворении, и отметили изменение их статуса в 1933 г. в связи с реформированием музея, подтверждая эту информацию ссылками на архивные материалы или публикации. Сатирическое стихотворение, на наш взгляд, является достаточно важным историческим документом, описывающим не столько «дух реформы», т.е. ее значение с точки зрения организации гуманитарной науки, сколько отношение к ней тех, кто стал ее «жертвами».

Поэма (Песнь) о МАЭ **Перелицованная Илиада**

*Гнев, о богиня, воспой Исаака, Натанова сына¹.
Грозный, который маэвцам нанес неисчетные беды,
Ибо он в царство Аида низринул могучие души
Многих и жен, и мужей, а самих на съедение бросил
Птицам и псам кровожадным, — так воля свершалась Зевеса².
Первым кого же убил и кого из несчастных последним
Наши Исаак, сын Натана, коль Зевс даровал ему славу?
Первою жертвою пал Симеон, Анатолия чадо,
Стойкий в битве боец, над камнями великий властитель³.
После того поразил⁴ и Бориса, прозванием Вишню⁵,
Снизу ударив копьем в живот над щитом округленным.
В прах повалился Борис, хватая ладонями землю,
Ум помутился его, и ужас терзает в нем сердце.
Сам он в палатке все время лежит, потрясенный глубоко,
И врачеватель искусный все раны его омывает.*

¹ Исаак Натанович Винников. В октябре 1930 г. назначен ученым секретарем МАЭ, затем в той же должности работал в ИЭ АН СССР. Как представитель дирекции, проводил в жизнь кадровые изменения [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 004а. Д. 8]; подробнее см.: [Маторин 1999: 203].

² Николай Михайлович Маторин. В феврале 1930 г. был назначен заместителем директора ИПИН; с 12 ноября 1930 г., после избрания общим собранием АН СССР, — директор МАЭ; с 15 февраля 1933 г., после слияния ИПИН и МАЭ, — директор ИЭ АН СССР [Решетов 2003: 27–29].

³ Семен Анатольевич Семенов-Зусер. С 1929 по 1933 г. — ученый хранитель МАЭ и научный сотрудник археологического отдела. В.А. Городцов сообщает в письме от 2 апреля 1933 г. Д.Н. Льву: «Из археологического отдела отчислены: Федоров, Зусер. Первый переведен в отдел фондов — второй вообще отчислен из музея. Зусер, как скифолог, очевидно, будет работать в Эрмитаже. Отчисление Зусера вызвано тем обстоятельством, что в нашем отделе больше всего представлен палеолит, который, судя по установкам Николая Михайловича [Маторина. — *М.Ш.*], должен быть экспонирован в развернутом виде, в то время когда поздним культурам будет уделено меньше внимания» [Кузьминых, Белозёрова 2014: 236].

⁴ Первоначально в рукописи было «умертвил». Это слово зачеркнуто и сверху написано «поразил».

⁵ Борис Николаевич Вишневский. С 1923 по 1933 г. — ученый хранитель МАЭ, с 1931 г. одновременно научный сотрудник ИПИН АН СССР. В 1933 г. переведен на работу в ИЭ АН СССР заведующим отделом антропологии [Решетов 2003: 34].

Многие храбрые жены от рук Исаака погибли.
 Марту незлобную, Юрия дочь¹, что в ИПИНе когда-то,
 Радуюсь сердцем, работой сотрудников руководила,
 В частые дни, когда с снегом покрытой вершины
 Зевс благодушный в ИПИН не спускался, уставший,
 Грозный Исаак поразил, но неожиданно под нею какой-то
 Бог иль герой свою руку в защиту простер, ограждая.
 Гибель ее отвратил, и воспрянула женщина духом.
 После — Иосифа², сильного духом бойца, поразил он
 Камнем большим, угловатым, лежавшим внутри за стеною.
 Голову всю размозжил; как пловец, ныряющий в воду,
 С башни Иосиф слетел, и душа от костей отделилась.
 Вскоре затем он в Байкову копье свое медное бросил.
 Только напрасно оно из могучей руки полетело:
 К счастью, сломалось копье, и победа из рук ускользнула.
 Марр благородный Байкову в обитель свою тотчас принял³.
 Тою порою Исаак, как огонь или вихрь ненасытный,
 Грозно обрушился вдруг на незлобную Анну Японку⁴,
 В грудь поразило копье и свалилася наземь, как ясень,
 Что на вершине горы, отовсюду открытой для взора,
 Медью подрубленный, близит к земле свои нежные листья.
 Анну сгубив, Исаак непреклонный почувствовал радость.
 Лидия дочь Эдуарда⁵ одна среди битвы стояла,
 Не находилось при ней никого, ибо все устрашились.
 Тяжко вздохнув, к своему обратилась твердому сердцу:
 «Горе мне! Что предпринять? Постыдно, врага испугавшись,
 Прочь побежать, но ужасней с Исааком одной состязаться,
 Ибо всех прочих маэвцев Исаак устрасил непреклонный.
 Только зачем я теперь вопрошаю об этом свой разум?
 Знаю и так хорошо, что из битвы лишь трус убегает».
 Но между тем как она в мыслях это все обсуждала,
 Мужа ее⁶ уж сразил, Исаак наш герой неустанный.

- ¹ Марта Юрьевна Пальвадре. С 1932 г. — ученый секретарь ИПИН АН СССР. В середине 1933 г. была принята на должность научного сотрудника 1-го разряда в Доклассовый сектор ГАИМК, в 1934 г. перешла на работу в ГМЭ [Королькова 2015: 209].
- ² Иосиф Иванович Козьминский, научный сотрудник МАЭ; см. о нем на сайте «Биографика»: <<https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/2377-kozminskij-iosif-ivanovic.html>>.
- ³ Мария Константиновна Байкова. Была принята в ИЯМ АН СССР (директор Н.Я. Марр) на должность уборщицы-курьера [Казанский, Анфертьева 2013: 360].
- ⁴ Анна Евгеньевна Глускина. В 1925–1933 гг. — научный сотрудник отдела Дальнего Востока МАЭ. После увольнения устроилась на работу сотрудником Японского кабинета Института востоковедения АН СССР [Васильков, Сорокин 2003: 120–121].
- ⁵ Лидия Эдуардовна Каруновская. В 1925–1933 гг. — сотрудник МАЭ, с 1933 г. — младший научный сотрудник, заведующая отделом Индонезии ИЭ АН СССР, позже старший научный сотрудник сектора Восточной и Южной Азии [Решетов 1997].
- ⁶ Андрей Григорьевич Данилин. С 1931 по 1933 г. — научный сотрудник ИПИН, в 1933 г. — заведующий политпросветотделом МАЭ. После увольнения из МАЭ, с ноября 1933 г. — научный сотрудник этнографического отдела ГРМ (с 1934 г. — ГМЭ). См. на сайте проекта «Отечественный

*Тою порою маэвцев тревога объяла несчастных,
Сон не сходил на ресницы и страхом томилися люди.
Грозные всюду висят письма, утрашая невинных.
И наконец Далион¹, среди боя отважный, промолвил:
«О, Николай многословный, владыка МАЭ, олимпиец!
Лучше бы ты не просил многогневного сына Натана,
Столько даров предлагая. Он был уже раньше надменен,
Ныне же он из народа храбрейших и лучших
Губит подобно грозе или буре иль дикому вепрю.
Вечно на нас этот бич надвигается, злобно бичуя.
Но мы теперь устоим, если с силами все соберемся».
И ответил ему, так сказал сын Натана, властитель:
«Я удаляюсь к себе, утомленный от бурного боя.
Будет пора — посетит всех маэвцев твоих сожаленье
Об Исааке Натанове сыне, и ты уж помочь не сумеешь».
Тотчас Исаак возвратился к красивым судам и палаткам
Вместе с Эльпидой² возлюбленной, вместе с дружиною храброй.
Прочие все в благодарность богам, существующим вечно,
Жертвы обычные принесли и усердно молились.
И радостно пили из чаши вино, веселящее сердце.
[ОР РНБ. Ф. 324. Д. 538. Л. 1–4]*

«Перелицованная Илиада», описывающая увольнения и сокращения научных сотрудников как их гибель «по Зевесовой воле», — всего лишь сатирическое стихотворение, но, читая его, мы понимаем, что реорганизация МАЭ и создание Института этнографии были достаточно тяжелым событием для целого ряда ученых Ленинграда в 1933 г. И хотя академическое сообщество уже прошло через значительное число реорганизаций и репрессий, настоящая трагедия была еще впереди. Многие из тех, кто упомянут в этом стихотворении 1933 г., включая самого Зевеса-Маторина, вскоре будут реально «низринуты в царство Аида», а их имена и работы вернутся в этнографическую науку лишь спустя много лет³. Зная это, трудно воспринимать это

этнографы и антропологи. XX век»: <http://ethnotest.kunstkamera.ru/w/index.php?title=Данилин_Андрей_Григорьевич>.

¹ Далион — первый грек, который во времена Птолемея II совершил путешествие по Нилу за остров Мероэ вглубь Африки. Скорее всего, в стихотворении речь идет о Дмитрие Алексеевиче Ольдерогге, который с 1925 г. работал в МАЭ, а в 1933 г. в результате преобразований стал научным сотрудником 1-го разряда и заведующим отделом Африки [Решетов 2003: 29].

² Греческое имя Эльпида означает «Надежда». В рукописи первоначально было написано «Фридлиндер», затем зачеркнуто и сверху написано «Эльпида». Юлия Викторовна Фридлиндер — младший научный сотрудник МАЭ, в 1933 г. занималась библиографической работой [СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 004а. Д. 8].

³ Б.Н. Вишневский был арестован 14 сентября 1937 г., с 1938 по 1946 г. отбывал заключение в Севостлаге (Магадан), с 1946 по 1953 г. — в ссылке в Пермском крае, освобожден в 1953 г., реабилитирован в 1954 г.

А.Е. Глускина была арестована 21 февраля 1938 г., освобождена 29 мая 1939 г., продолжила научную деятельность, скончалась в 1994 г.

стихотворение лишь как шутку. Кажется, что Е.Г. Кагаров подобно гомеровскому Тиресию прозревал будущее. Очевидно, он сам придавал этому стихотворению особое значение, т.к. сохранил его в своем архиве наряду с рукописями научных трудов, автобиографическими заметками и некоторыми важными документами.

В заключение следует отметить одно обстоятельство: академическая жизнь Музея истории религии и Музея антропологии и этнографии АН СССР в 1932–1933 гг. достаточно подробно освещалась в научных обзорах, справках и докладах тех лет, и эти документы известны нам по исследовательским трудам и архивным публикациям. Иную ценность для истории науки и жизни научного сообщества имеют сатирические тексты и рисунки. Подобно письмам или мемуарам, они передают субъективное отношение к происходившему, воспроизводят личные впечатления и отношения, именно поэтому люди и события представляются в них не плоско и формально, а объемно, выпукло и живо, и это очень важно.

Благодарности

Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX в.». Автор благодарит Государственный музей истории религии за фотографии, предоставленные для публикации.

Список сокращений

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

ГМИР — Государственный музей истории религии

ГМЭ — Государственный музей этнографии

ГРМ — Государственный Русский музей

ИПИН — Институт по изучению народов СССР АН СССР

ИЯМ — Институт языка и мышления АН СССР

МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР

МИР — Музей истории религии АН СССР

ОР РНБ — отдел рукописей Российской национальной библиотеки

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

М.Ю. Пальвадде арестована 21 августа 1936 г., в декабре 1936 г. приговорена к десяти годам исправительно-трудовых лагерей, отбывала срок на Соловках, 2 ноября 1937 г. по приговору особой тройки УНКВД расстреляна в Сандармохе, реабилитирована в 1957 г.

Н.М. Маторин арестован 3 января 1935 г., 13 февраля осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей (Малек, Узбекская ССР), 18 февраля 1936 г. этапирован в Ленинград, 11 октября расстрелян по приговору Выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР, реабилитирован в 1958 г.

А.И. Данилин умер 12 февраля 1942 г. в блокадном Ленинграде.

Архивные материалы

- ГМИР. Фототека. № СМ-2648_005; СМ-2648_006; СМ-2648_007; СМ-2648_031; СМ-2648_033; СМ-2648_038; СМ-2648_063.
- ОР РНБ. Ф. 324. Д. 538. Кагаров Е.Г. «Перелицованная Илиада». Поэма о МАЭ. 1933 г.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 004а. Д. 8. Сводки штатов по учреждениям АН СССР с анкетными данными на 1933 г.
- СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 3. Стенограмма торжественного заседания, посвященного открытию Музея, с материалами к нему. 15 ноября 1932 г.
- СПбФ АРАН. Ф. 221. Оп. 2. Д. 5. Протоколы и стенограммы научных совещаний. 11 января — 9 июня 1932 г.
- СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 99. По устройству Антирелигиозной выставки Академии наук в Государственном Эрмитаже. Записки, краткий путеводитель по выставке. 1930–1931 гг.
- СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 102. Переписка по различным вопросам. 1931–1935 гг.
- СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 250. Богораз В.В. Воспоминания. 1950–1960 гг.

Источники

- Васильков Я.В., Сорокина М.Ю. (ред.). Люди и судьбы: биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.
- Гаген-Торн Н.И. Мемория / Сост., предисл., послесл. и примеч. Г.Ю. Гаген-Торн. М.: Возвращение, 1994. 415 с.
- Казанский Н.Н. (отв. ред.), Анфертьева А.Н. (сост.). Материалы к истории Института лингвистических исследований (1921–1934). СПб.: Наука, 2013. 438 с. (Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 9. Ч. 1).
- Королькова Л.В. М.Ю. Пальвадре // Королькова Л.В. Вепсы: фотографии и рукописи из собрания Российского этнографического музея. СПб.: Инкери, 2015. С. 208–210.
- Кузьминых С.В., Белозёрова И.В. Переписка В.А. Городцова и Д.Н. Льва (1933–1941 гг.) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2014. № 1. С. 229–294.
- Маторин Н.М. Письмо к доктору Андрэ Вараньяку / Вступ. ст. и публ. А.М. Решетова // Курьер Петровской Кунсткамеры. 1999. Вып. 8–9. С. 203–213.
- Шахнович М.И. В.Г. Богораз и основание МИР (из воспоминаний) // Санкт-Петербург. 1995. № 1 (13): спец. выпуск. С. 10–11.

Библиография

- Вахтин Н.Б. «Проект Богораза»: борьба за огонь // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 125–141.

- Мещанинов И.И.* (отв. ред.). Памяти В.Г. Богораза: Сб. статей и восп. М.; Л.: АН СССР, 1937. XVIII+382 с.
- Михайлова Е.А.* Владимир Германович Богораз: ученый, писатель, общественный деятель // Тумаркин Д.Д. (сост.). Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века: Сб. статей. М.: Наука, 2004. С. 95–136.
- Михайлова Е.А.* Софья Константиновна Богораз (1870–1921): штрихи к портрету Владимира Германовича Богораза // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 109–124.
- Решетов А.М.* Работала не награды ради...: памяти Лидии Эдуардовны Каруновской // Ревуненкова Е.В., Бутинов Н.А. (отв. ред.). Маклаевские чтения, 1995–1997 гг. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 233–244.
- Решетов А.М.* Институт антропологии и этнографии — Институт этнографии АН СССР. 1933–1943 гг. // Этнографическое обозрение. 2003. № 5. С. 24–42.
- Шахнович М.М.* Е.Г. Кагаров и Музей истории религии Академии наук СССР // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 4. С. 571–581. doi: 10.21638/11701/spbu17.2017.415.
- Шахнович М.М., Чумакова Т.В.* Музей истории религии АН СССР и российское религиоведение (1932–1961). СПб.: Наука, 2014. 457с.

“Funny Pictures”: From the History of the Museum of Anthropology and Ethnography and the Museum of the History of Religion of the Academy of Sciences of the USSR (1932–1933)

Marianna Shakhnovich

St Petersburg State University
7–9 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
m.shakhnovich@spbu.ru

In the Leningrad of 1932–1933, two events took place in the academic world that would play an important role in the history of Soviet ethnography, museum construction and religious studies: the opening of the Museum of the History of Religion and the reorganization of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences. At that time, the Academy of Sciences considered it a priority to establish research institutes on the basis of academic museums. If a small collective of the new Museum of the History of Religion, headed by its director Vladimir Bogoras, welcomed such an undertaking, then the reform of the Museum of Anthropology and Ethnography, its merger with the Institute for

the Study of the Peoples of the USSR and the creation of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR on their basis was quite painful for many MAE staff and led to the layoff or change in the status of the employees. The article publishes drawings and texts found in the Photo Library of the State Museum of the History of Religion, in the St Petersburg branch of the RAS Archive, and in the Department of Manuscripts of the Russian National Library, reflecting these events in a satirical form. The author presents cartoons from the wall newspaper of the Museum of the History of Religion (1932–1933), depicting Vladimir Bogoras, an ironic note by Bogoras himself about the participation of scientific workers in the exhibition work, as well as a poem by Eugeny Kagarov's "The Revised Iliad", which satirically presents personnel changes at the Museum of Anthropology and Ethnography in 1933. The author of the article notes the importance of the discovered satirical works as a source that, like memoirs and letters, reflects subjective impressions and demonstrates a personal attitude to what is happening. In the article, these documents are commented on in detail, showing their importance for the study of the history of the Leningrad community of ethnographers and historians of religion in the early 1930s.

Keywords: V. G. Bogoras, E. G. Kagarov, history of museums of the Academy of Sciences of the USSR, Museum of Anthropology and Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR, Museum of the History of Religion of the Academy of Sciences of the USSR.

Acknowledgments

The work was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant no. 16-18-10083 "Study of Religion in the Socio-Cultural Context of the Era: The History of Religious Studies and the Intellectual History of Russia in the 19th and First Half of the 20th Centuries". The author thanks the State Museum of the History of Religion for the photographs provided for publication.

References

- Meshchaninov I. I. (ed.), *Pamyati V. G. Bogoraza* [In Memoriam of V. G. Bogoras]: A collection of articles and memoirs. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press, 1937, XVIII+382 pp. (In Russian).
- Mikhailova E. A., 'Vladimir Germanovich Bogoraz: uchenyy, pisatel, obshchestvennyy deyatel' [Vladimir Germanovich Bogoras: Scholar, Writer, Activist], Tumarkin D. D. (comp.), *Vydayushchiesya otechestvennye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian Ethnographers and Anthropologists of the 20th Century]: A collection of articles. Moscow: Nauka, 2004, pp. 95–136. (In Russian).
- Mikhailova E., 'Sofya Konstantinovna Bogoraz (1870–1921): shtrikhi k portretu Vladimira Germanovicha Bogoraza' [Sofia Bogoras (1870–1921):

- Towards a Sketch Portrait of Vladimir Bogoras], *Antropologicheskij forum*, 2016, no. 29, pp. 109–124. (In Russian).
- Reshetov A. M., ‘Rabotala ne nagrady radi...: pamyati Lidii Eduardovny Karunovskoy’ [Did Not Work for Reward...: In Memory of Lydia Eduardovna Karunovskaya], Revunenkov E. V., Butinov N. A. (eds.), *Maklaevskie chteniya, 1995–1997 gg.* [Maklaev Readings, 1995–1997]. St Petersburg: MAE RAS Press, 1997, pp. 233–244. (In Russian).
- Reshetov A. M., ‘Institut antropologii i etnografii — Institut etnografii AN SSSR. 1933–1943 gg.’ [The Institute of Anthropology and Ethnography — the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR. 1933–1943], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2003, no. 5, pp. 24–42. (In Russian).
- Shakhnovich M. M., ‘E. G. Kagarov i Muzey istorii religii Akademii nauk SSSR’ [E. G. Kagarov and the Museum of the History of Religion of the USSR Academy of Sciences], *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya*, 2017, vol. 33, no. 4, pp. 571–581. (In Russian). doi: 10.21638/11701/spbu17.2017.415.
- Shakhnovich M. M., Chumakova T. V., *Muзей istorii religii AN SSSR i rossiyskoe religiovedenie (1932–1961)* [Museum of the History of Religion of the Academy of Sciences of the USSR and Religious Studies in Russia (1932–1961)]. St Petersburg: Nauka, 2014, 457 pp. (In Russian).
- Vakhtin N., ‘“Proekt Bogoraza”: borba za ogon’ [The Bogoras Project: The Quest for Fire], *Antropologicheskij forum*, 2016, no. 29, pp. 125–141. (In Russian).

Иллюстрации к статье Марианны Шахнович

Ил. 1. «Чукотский миф о творце мира». В.Г. Богораз в образе творца.
Фотография рисунка [ГМИР. Фототека. № СМ-2648_006]

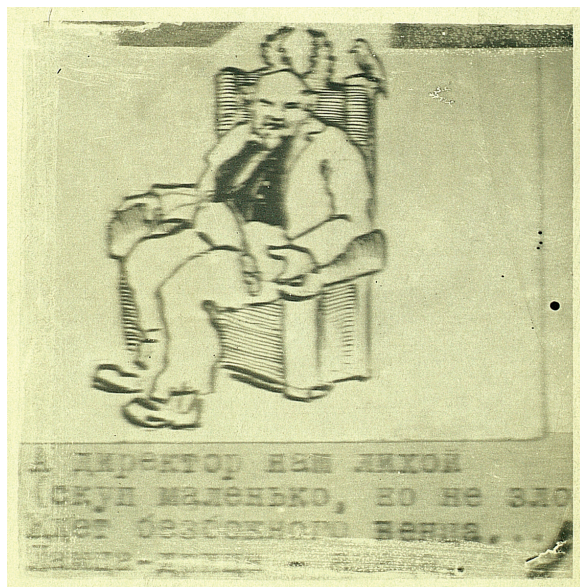
Ил. 2. «Новый Завет в МИР, или Новый причт Казанского собора». Фотография рисунка [ГМИР. Фототека. № СМ-2648_038]

Ил. 3. В.Г. Богораз в образе многорукого Шивы. Фотография рисунка [ГМИР. Фототека. № СМ-2648_005]

Ил. 4. «По “Ревизору”». В.Г. Богораз в образе Городничего.
Фотография рисунка [ГМИР. Фототека. № СМ-2648_007]

Ил. 5. В.Г. Богораз на троне с лавровым венком.
Фотография рисунка [ГМИР. Фототека. № СМ-2648_063]

Ил. 6. В.Г. Богораз в пути.
Фотография рисунка [ГМИР. Фототека. № СМ-2648_031]

Ил. 7. «Богораз на отдыхе».
Фотография рисунка [ГМИР. Фототека. № СМ-2648_033]